

УДК 811.512.145'282

ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КУРМАНТАУСКОМ ГОВОРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

М.Р. Булатова, кандидат филологических наук

Республика Башкортостан является родиной для 1,3 миллиона татар. Это составляет треть населения республики. В Башкортостане проживают татары, говорящие на двух диалектах: а) среднем – белебеевский, янаульский подговоры мензелинского говора, бакалинский подговор кряшен, бирский, златоустовский, курмантауский, тепекеевский, турбаслинский, кугарчинский, пританыпский, учалинский говоры и б) западном (мишарском): байкибашевский и стерлитамакский говоры. Система татарских говоров Башкортостана являет собой сложную группу в татарской диасистеме, что было обусловлено сложными экстралингвистическими и интралингвистическими факторами: историко-генетическая общность, особенность истории заселения края, взаимовлияние с башкирским языком и др.

Курмантауский говор – впервые выявленный и исследованный автором, один из татарских говоров среднего диалекта, который распространен в Гафурийском районе данной республики. В этом районе находится «географический центр» Республики Башкортостан – равноудаленная точка от всех границ Башкортостана, середина республики, находящаяся на севере Гафурийского района, между реками Белая и Зилим, восточнее деревни Зириково, недалеко от границ

с Архангельским и Кармаскалинским районами Башкортостана. На этом месте в 2009 году местные жители установили памятную стелу [2, 57].

В Гафурийском районе, который находится в южной части Башкортостана, проживает довольно большая группа татарского населения. Район расположен на западных склонах Южного Урала. Узкая равнинная западная полоса занята долиной реки Белой и ее правых притоков – Зилим, Зиган и Усолка. Первоначально район носил название Красноустьинский, в 1940 году был переименован в Гафурийский в связи с 60-летием народного писателя Мажита Гафури, родившегося в деревне Зилим-Караново этого района.

В ходе диалектологических экспедиций автором данных строк был исследован говор татарских деревень Бурлы, Курмантау (Кормантау), Абдуллино (Абдулла // Таштамак), Зилим-Караново (Жилем-Каран), Новые Бурлы (Яна Бурлы), Кызыл-Яр, расположенных в северной части района. Кроме изучения языковых особенностей, также были собраны материалы по этнографии, записаны легенды о заселении края и др. [2, 55–72, 217–225].

Анализ собранного языкового материала показал, что говор северной части Гафурийского района имеет

своеобразную систему диалектных особенностей, несколько отличающуюся от особенностей тепекеевско-го говора (распространенного в южной части названного района), что позволяет рассматривать говор северной части района как отдельный самостоятельный курмантауский говор среднего диалекта татарского языка (от названия деревни Курмантау и расположенной рядом горы Курмантау).

По исследованиям ученых, при реке Агидель в 1737–1738 гг. мишари основали деревню Курмантау. Они поселились на территории, относящейся к Кесе-Табынской волости. Чуть позже здесь осели тептяри и ясачные татары, платившие оброк владельцам земли. Всех жителей насчитывалось в 1783 г. – 90, в 1920 г. – 1074 человека, в 2009 году 451 человек.

По архивным документам, в центре Табынского, Михайловского и Курмантауского городищ – памятников VIII–III вв. до н.э. находится гора Курмантау (по-татарски *Кормантау*), на вершине и склонах которой имеются культурные отложения, содержащие обломки керамики, кости животных, мощные зольные прослойки и др. [9, 58–64].

Название горы, по мнению лингвистов и по рассказам жителей Курмантау, образовалось от слов «Корбан + тау», т.е. «жертвенная гора». Состав находок и название горы, кстати, господствующей высоты на данном участке долины реки Белой, наводят на мысль о том, что эта гора некогда использовалась как место, где проводились большие праздники и жертвоприношения. Название Курмантау получила и деревня, находящаяся у подножия этой горы.

В словаре Р.Г.Ахметьянова термин *корбан* означает 'жертва; жертвопри-

ношение; (корбан балык) лещ' > чув. *кърпан*, *хърпан*, удм. *курбон* 'корбан; корбанлык өрәге' < от мусульманск. *курбан* < араб. *курбән* 'корбан; Аллага якынау (чарасы)'. В тат. диал. *корман* > удм. *қурман*, мар. *хорман* > *орман*, казах., кбалк. *қурман*, *қурмал* [1, 439]. В общем, мар. *орман*, *урман* < булг. *һөрман* и др. *корман* 'название различных языческих увеселений, обрядов, жертвоприношений' [1, 440].

Носители говора в основе своей сохранили общие с татарским языком черты, хозяйственный уклад, язык, традиции, культуру, религию и т.д. Не последнюю роль сыграло в этом и самосознание населения данной группы деревень, считающего себя татарами, а язык – татарским.

Говор указанных деревень является отдельным говором, названным нами курмантауским. Название связано с тем, что эти населенные пункты расположены близ горы Курмантау. По составу языковых особенностей курмантауский говор стоит между белеевским подговором мензелинского говора и златоустовским говором среднего диалекта.

В ходе формирования курмантауского говора сложилась и характерная для него лексико-семантическая система. Основу его составляют общетатарские слова. Ниже приведем некоторые лексические особенности данного говора.

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что в курмантауском говоре выделяется группа диалектизмов, совпадающих по фонетическому звучанию корня с соответствующими словами татарского литературного языка, но отличающихся: а) либо по семантике, б) либо по морфологическому образованию, т.е. являющимися лексико-синтаксическими или морфологическими вариантами. Например:

А) *Бәс* – кроме лит. ‘иней, изморозь’ в курмантауском говоре означает и ‘коричневый цвет’ (тат. *көрән, коңгырт*);

Жай – кроме лит. ‘жай’ 1) порядок, 2) покой, 3) возможность, 4) основание, выход’, в курмантауском говоре употребляется и в значении ‘медленно’: *Жай эшлә* ‘Медленно работай’;

Азақ // адақ – кроме лит. азак (азагы) ‘конец’ употребляется и в значении *аннары, соңыннан* ‘потом, затем, после’ (в литер. *азактан*);

Эссе – кроме лит. *эссе (көн)* ‘жаркий (день)’, означает и *кайнар (чай)* ‘горячий (чай)’ и др.

Б) *Қыстырма* – в лит. *кыстыргыч* ‘прищепка’; *тегемсе/тегевсе* – лит. *тегүче* ‘портной, швея’; *жуйма* – лит. *жуйгыч* > бетергеч ‘ластик, резинка (школьная)’, *қартатай* – лит. *бабай/дәү әти* ‘дедушка’ и др.

Термины родства и свойства

Әни/әнкәй – лит. әни ‘мать’; *әти//әткәй* – әти ‘отец’; *қайнеш* ‘шурин, младший брат жены или мужа’; *балдыз* ‘младшая сестра жены’ (как и в лит. языке); *қайембикә* ‘старшая сестра жены’; *бисә* – хатын ‘жена’ (характерен для всех приуральских говоров); *инәсе* – ‘при рассказе о матери какого-либо человека’; *туганым* – энем//сеңлем ‘младший брат’ или ‘младшая сестра’.

Әби – 1. ‘бабушка, т.е. не своя родная, а любая пожилая женщина’; 2. ‘теща, мать жены’; 3. ‘родственница старше матери или отца говорящего’.

Бабай – 1. ‘дедок, дедушка’ слово-детерминант к именам или названиям мужчин старшего поколения; 2. ‘старик, дед, некий проходящий старик’; 3. ‘отец жены’.

Қәйнә – лит. каенана ‘мать мужа, свекровь’. Ср.: в злт., ичк., тпк.,

тобол.-ирт.д. – *қәйнә*; менз., бирск., кргл., бгрс., нгб.-крш. – *биана(й)*; тар. – *қәйнәнә*; перм., кр.-уф., ичк., вост.д. – *қайнә* [8, 404; 4, 198].

Қайнатай – лит. каената ‘отец мужа, свёкор’. Ср.: в перм., кр.-уф., злт., тпк., тевр., вост.д. – *қайны(м)*; ичк. *қәйнем*; менз., бирск., кргл., кмшл., нгб.-крш. – *биата(й)* [4, 198; 8, 119, 377]. Например: *Қайным* (каената), *қәйнәм* (каенанам) *мән йәшәдем көмәр* (гомер) *буйы* (тевр.) [4, 210].

Нәнәй – лит. дәү әни ‘бабушка’: “*Нәнәй, нәнәйем!*” *дип амыз тутырып әйткән сақлар* (чаклар) *бар иде...* (крмн.). Ср.: *нәнәй* в турбаслинском, тепекеевском, стерлитамакском, мензелинском (говоры ареала “Юг Башкортостана”), вариант *нәнә* в бирском, байкибашевском, тарском, тобольском говорах – в том же значении. Данное слово может употребляться и в других значениях: *нәнә* в блт., астр., эушт., каз.ар-крш. – ‘мать, мама’; дуб. – ‘форма обращения к жене старшего брата отца или матери, если она по возрасту младше их’; тевр., тобол. – ‘младший брат или сестра’; заказан., тевр. говорах – ‘маленький’. *Нәнәй* в мам., блт., чст.-крш., срг. говорах в значении ‘мать, мама’, темн., кузн. говорах ‘форма обращения соседских детей, родных и близких к пожилым женщинам и старухам’ [8, 495]. Р.Г. Ахметьянов указывает, что данная лексема всему миру известно оно-мопоэтическое слово: удм. *нәнә*, груз. *нана*, индонез. *пепек* ‘нәнәй’, кит. *нян-нян* ‘кендек әбисе’, ‘бәби бүләк итүче алиһә’, ‘императрица’, фар. *нәнә*, шумер. *нана* ‘ана; әби алиһә’ и др. [1, 64]. В татарских говорах ‘бабушка’ употребляется также словами *қартнә // қартинә(й) // қартнәй* (менз., злт., ичк., тпк., вост.д.), *қартәнәй* (перм., бирск., менз., бел.), *қартәни* (злт.), *қартнәм* (тюм.) [8, 393].

Қартатай – лит. дәү әти ‘дедуш-ка’: *Қормантау ағылындағы Миндулла исемле қартатайым* (дәү әтием) *Бөйөк Ватан сұғышында башыннан азағына тиклем қатнашып, жиңу апқайта* (крмн.). Ср.: в перм., ичк., кр.-уф., тпк., трбс., астр. говорах и тобол-ирт. диалекте *қарт әти // қартатай* [8, 393]. В менз., злт. говорах встречается еще и в варианте *қартәти*, бирск. говоре, янаул., бел. подговорах *қарттәй*, а в бирск., кргл., менз., тпк., бгрс. говорах – *қартәтә(й)*, западн.д. – *картта/картата* [7, 117]. В говорах западного диалекта тат. языка *картата* употребляется в других значениях: срг. *картатай* ‘форма обращения к самому старшему брату отца или матери’, кузн. *картәтий* ‘дедушка; первый муж матери’, хвл. *картатай* ‘первый, предыдущий муж матери, форма обращения к нему’, лмб. *картатий* ‘муж сестры отца’ [7, 117]. Таким образом, название *карт + ата* в приуральских говорах упортебляется только в одном значении, а в говорах западного диалекта в разных значениях.

Лексика, обозначающая части тела

Кәмәгәй – лит. аңкау ‘нёбо’, *танау* – борын ‘нос’, *тыршық танау* ‘курносый’, *сәс* – чәч ‘волосы’;

Сәнәкәй бармақ – лит. чәнти / чәнчә бармак ‘мизинец’. Сравним: ср. д. *чентеки бармақ*, бирск. *әнчи бармақ*, трх. *чинәчә бармақ*, држ. *цәцә бармақ*, заказан. *чәңки/чәнти бармақ*, чст. *чигә/чиңгә бармақ*, ичк. *ценәцәк бармақ*, кузн. *чәнки бармақ*, менз. *чәнчәкәй бармақ*, злт. *сәнә бармақ*, кргл. *чәнчәкәй бармақ*. перм. *гәлчәчәк бармақ*. Д.Б. Рамазанова указывает на происхождение *чәнчә бармақ* от слова *чыганақ* в значении *терсәк* ‘локоть’. Ср.: ног., ккалп., казах. *шыгынақ*, алт.

чыганақ, карачай *чыңчачак*, алт. яз и его диалектах *чәнақ* – ‘локоть’, кбалк. *чынаны джџики* – ‘терсәк бөгеме’ [6, 118–119]. В кум. *чиначай*, кирг. *шынашак*, диалектах узбекского языка *чиначак / чиначоғ / чинакай*, башк. диал. *сәнсә // сеңгәсәй // сеңәрсәй*, алт. *чычалақ*, кирг. яз. *чыпалақ* употребляются в значении ‘мизинец’. В сибирских диалектах тат. яз.: тевр., бараб. д. *чычалақ пармақ*, тар. *цоцолақ пармақ* в таком же значении. Отмечает, что *чәнчә бармақ* образовано от древнетюркского слова *čičalag* [5, 147; 6, 120].

Сикә – чигә ‘висок’. Ср.: срг., мел., байк., вост. д. *цикә*, приуральских говорах: перм., бирск., менз., злт. *чикә*, тпк., учл. *сикә*. Оглушенный *к*-вариант известно в памятниках древнетюркской письменности, словаре М.Кашгари (1074) – *čikä*. Чув. *čigě*, тунгус-маньчжур. *čiakar*, эвен. *čagar* – в том же значении. Д.Б. Рамазанова отмечает, что *чигә* связано с протоалтайским *čiek* – *n/r* ‘висок, ухо’ [6, 22].

Қарныш //қарныш қолақ – тырпаеп торган зур колаклы кеше ‘человек с оттопыренными большими ушами’.

Йөн – йон ‘шерсть, волосы, руно’: *Эрләнгән йөн йук шул, эрләргә кирәк. Урамнан килә қарт вис йөнгә батқан* (крмн.) [2, 144]. В таком же варианте употребляется в тпк., учл., злт. говорах среднего диалекта и в сибирских диалектах. Например: *Инәм олу аққама* (абыема) *пал’томы теккән ите қара йөнтән сугып* (тевр.) [4, 211].

Сәлтер – балтыр ‘голень, икры ног’: *Йаңғырға эләгеп, сәлтерләре батқақ-мәтегә буйалып қайтып керде* (крмн.). Ср.: в варианте *чәлтер* встречается в чст., стрл. говорах запад. диалекта, бгрс. говоре ср. д., тевр. говоре и бараб. д. [8, 736]; срг., чст. *цәлтер.*, байк., стрл., менз., бирск. *чәндер*, шрл. *йәлтер* [6, 135].

Тубық – тез ‘колено’: *Жиргә тубықланып* (тезләнеп) *тутәлдәге сүпләрне утай* (крмн.). Ср.: в бирск., менз., злт., перм., кргл., трбс., кр.-уф. говорах среднего диалекта, тар., тобол., тюм. говорах восточных диалектов – *тубық*, стрл. говоре западного диалекта – *тубык* и в барабинском диалекте восточных диалектов – *томық* [8, 650].

Лексика, обозначающая характер и душевное состояние человека

Айнық – аек ‘трезвый’ (сравним: в астраханском говоре *айнық* – лит. яшен ‘молния’);

Әтәк-сәтәк сөйләүсе – юк-бар сөйләүче ‘говорящий всякую чушь, чепуху, сплетни’;

Әтрәгәләм ‘разгильдяи, бездельники, пьянствующие’;

Бәләс алу, бәләсник ‘плаксивый, капризный’ (о ребенке, маленьких детях);

Бүсмәт ‘медлительный’, ‘толстый’;

Бедәңнәгән – кыйланчык, хатынкызга карата ‘кривляка’;

Жайман – ‘медлительный’;

Қапақ ‘кривляка’;

Қасқалақ ‘о человеке, который прячется’;

Қоно / улыр – бирән ‘обжора’;

Мыжық қуырган ‘худой, больной человек’;

Мыймылдық ‘делающий привлекающие на себя движения’;

Өлге (булырлык) – тәртипле, үрнәк ‘образцовый’;

Сақбай – колакка каты кеше ‘глухой человек’;

Саха // исәр – сантый ‘дурак, глупый’;

Сос – елгыр, сизгер ‘шустрый, бдительный, осторожный’;

Туйтаңнаган // қыйшагнаган (кыз) ‘кокетка’;

Шаталақ – ‘бойкий, несерьезный, легкомысленный’. Ср.: в перм., бирск., дуб., менз., злт. говорах *шаталақ* – ‘отчаянный’, в менз. говоре еще и в значении ‘колокольчик’ [8, 780].

Үткер – үткен ‘хваткий, ловкий, острый на язык’;

Шылгайақ – хәйләкәр алдакчы ‘хитрый врун, обманщик’: Ул *шылгайақның койрогын тотоп булмай, алдатып сөйләй сүзне, оттортмай да тоттормай да дигәндәй* (крмн.). *Айдар шундый шылгайақ ул – алдатып* (алдап) *сөйләй дә, адак* (аннары) *йук мин алай дип әйтмәдем ди.*

Слова, связанные с физической характеристикой и действиями человека

Тәпәш ‘низенький’; *сөрхет* ‘худой высокий человек’; *сыбайлы* – жайдак ‘всадник, верховой’; *йарамсықлану* – ялагайлану ‘подлизываться, подхалимство’; *шақару* – каеру ‘вывернуть, скрутить’; *ашақлау* – аша чыгу ‘перешагнуть’; *қутару* ‘отодрать, разобрать’; *исләү* – искәрү ‘заметить, обратить внимание’; *нықыу // нықышыу* – туку ‘долбить, твердить одно и то же’.

Туңқайу – иелү ‘нагибаться, нагнуться’. Ср.: в вост.д. *төңкәйү / төңрәйү* в таком же значении, а в тевр. говоре *төкәйү* – бөкрәю ‘сгорбиться’. В курмантауском говоре еще есть слово *туңқаңнау* ‘быть на четвереньках’ (ср.: перм. *туңканнау*, блт., кргл., тпк. *букәйләү* – мүкәләү ‘ходить на четвереньках’) [3, 53].

Алаңнау – ялт-йолт килү (карану), тирә-якны күзәтеп, кешеләргә карау, аларны тикшерү ‘быстро оглядываться, наблюдать’. *Алаңнаган: Теге алаңнаган кешесе алаңнап килеп*

тә керде (крмн.). Ср.: в вост. диалекте *алаңнау* – ахмак, кыюсыз, тарау, икеләнүчән булу ‘быть глупым, рассеянным, нерешительным’ и др. [3, 52].

Пыжыу / пыжу – 1) шинү ‘завянуть’ (о цветах): *Тәрдә* (тәрэзә) *төбөндәге гөлләр пыжымасын, су сип!*; 2) в значении *пәжү* ‘несвежий, смягчиться, терять эластичность’: *Сатудагы бәрәңге-памидурлары пыжып беткән инде, йарарлык түгел.*

Хөстөрү – яманлап талаштыруга котырту, өстерү ‘натравливать человека на кого-либо; подговорить, раззодорить, подзадорить’. Например: *Ул киләнәр берсе икенчесенә болай-тегеләй әйт дип насарлыкка, талаштыртуга, котортырга бик шәпләр* (крмн.). *Ике кеше сүдгә килдисә, кемдер берсен қоторта да башлай инде аламалыққа* (крмн.). Употребляется также в значении ‘наускивать собаку на воров’.

Сүкәйү – чүгәләү ‘сесть на корточки’. В заболотном говоре тоболо-иртышского диалекта – *цүкәләү/чүкәләү*. Например: *Ундүрт сыйыр сайын бидрә йә утырғысқа утырып сава алмайым бит инде, алар жәйләүдә кардада төрлө жәрдә йөрөйләр – барам да сүкәйеп утырып қына сава идем*

(крмн.). *Суган араларын, тутәлдәге сүпне утаганда, жәиләк жәйгәнда да сүкәйеп утайбыз* (крмн.).

Қыйшаңнау – кылану, боргалану ‘кривляться, вертеться’: *Қыйшагнаган қыды қайтты* (крмн.) – (Ее) дочка-кокетка приехала. Также в вост. диалектах в варианте *қыйшаңлау* [3, 53].

Таким образом, из наблюдений над лексикой курмантауского говора татарского языка следует, что основной фонд является общим с татарским литературным языком. Слова, обозначающие части тела, характер, физическое, душевное состояние и действия человека, представляют собой большое разнообразие как по происхождению, так и по морфологии и фонетическому звучанию. Диалектная лексика проявляет большую общность с говорами среднего и западного диалектов, также обнаруживается определенное число слов, общих с говорами восточных диалектов татарского языка. Некоторые слова восходят к древнетюркскому языку. Однако говор характеризуется большим количеством специфичных диалектизмов, не свойственных для других говоров татарского языка.

Список сокращений

языки:

алт. – алтайский (ойротский) язык
 башк. – башкирский
 казах. – казахский
 кбалк. – карачаево-балкарский
 кирг. – киргизский
 ккалп. – каракалпакский
 кум. – кумыкский
 мар. – марийский
 ног. – ногайский
 тат. – татарский
 удм. – удмуртский
 узб. – узбекский
 чув. – чувашский

диалекты тат. языка:

ср. д. – средний диалект
 западн. (миш.) д. – западный (мишарский)
 вост. д. – восточные диалекты:
 тобол.-ирт.д. – тоболо-иртышский
 бараб. д. – барабинский
 том.д. – томский

 лит. – литературный
 яз. – язык
 ср. – сравни

говоры тат. языка:

астр. – астраханский
 байк. – байкибашевский
 бирск. – бирский
 блт. – балтасинский
 држ. – дрожжановский
 дуб. – дубязский
 злт. – златоустовский
 ичк. – ичкинский
 кр.-уф. – красноуфимский
 кргл. – каргалинский
 крмн. – курмантауский
 кузн. – кузнецкий
 мел. – мелекесский

менз. – мензелинский
 перм. – пермский
 срг. – сергачский
 стрл. – стерлитамакский
 тар. – тарский
 тевр. – тевризский
 тпк. – тепекеевский
 тобол. – тобольский
 трбс. – турбаслинский
 трх. – тарханский
 тюм. – тюменский
 учл. – учалинский
 чст. – чистопольский

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметьянов Р.Г.* Этимологический словарь татарского языка: В двух томах. Казань: Изд. «Магариф-Вақыт», 2015. 1 том. – 543 с.
2. *Булатова М.Р.* Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». Казань, 2013. – 240 с.
3. *Булатова М.Р.* Общность курмантауского говора с восточными диалектами татарского языка // Сулеймановские чтения: сборник статей XVI Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2013. – С. 51–54.
4. *Булатова М.Р.* Себер дә үзөбезнеке: Омск татарларының тел үзенчәлекләре // Милли-мәдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары / төзүче һәм фәнни мөхәррир: М.Р. Булатова. Казан, 2015. (Фәнни экспедицияләр хәзинәсеннән; алтынчы китап. 460 б.). – Б. 192–240.
5. Древнетюркский словарь. М.: Наука, 1969. – 676 с.
6. *Рамазанова Д. Б.* Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. Казан, 2013. – 364 б.
7. *Рамазанова Д.Б.* Атамаларда туганлык һәм гаилә мөнәсәбәтләре: монография. Казан: Тат. кит. нәшр., 2014. – 287 б.
8. Татар теленен зур диалектологик сүзлеге. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.
9. *Юсупов Г.В.* Древнейшие поселения Гафурийского района // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. – С. 58–64.

Аннотация

В данной статье рассматриваются некоторые лексические особенности курмантауского говора среднего диалекта татарского языка, который распространен в центральной части республики Башкортостан, в основном в Гафурийском районе.

Ключевые слова: татарский язык, диалекты татарского языка, курмантауский говор, Башкортостан, лексические особенности.